ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЯМ[1] *

Помните ли, милостивые государи, путешествие Астольфа в луну за Роландовым разумом? Помните ли, как он с усмешкою, разбирая скляночки с потерянными умами своих товарищей, увидел одну с подписью: «Разум славного витязя Астольфа»?[3] Это самое случилось с г-ном Галерным Жителем: прислав ко мне в литературную кунсткамеру балладу «Рыбак», он весьма ошибся в расчете. Балладу поместил я в число образцовых переводов, а критику на нее между уродцами. Так опытный ловец, отделяя жемчужное зерно, бросает грубую раковину, его сокрывавшую,— зерно, которое одним петухам ** кажется вещью пустою.

Предмет письма моего есть благодарение г-ну Ф. Б — у, избавившему меня от труда вытаскивать *гвозди* ***,

---

* Издатели получили сие письмо от сочинителя «Путешествия в Ревель» (напечатанного в «Соревнователе», 1821), столь благосклонно принятого просвещенными читателями. Один только Галерный Житель, Карасев, Осетров[2], ибо это все одно и то же, не видит в нем человека с отличными дарованиями.

** Известная Эзопова басня. — *Соч.*

*** В критике своей повторения: «Бежит волна, шумит волна»,— господин рецензент называет «как бы прибитыми гвоздями». — *Соч.*

набитые г-ном Жителем Галерной гавани[4]. Весьма полезно *освещать* дневным лучом здравой критики нетопырей, гнездящихся в развалинах вкуса и *очищать* поле нашей рецензии от рыцарей, выезжающих турнировать с указкою в руках: два условия, выполненные г-ном Ф. Б. как нельзя лучше.

Итак, милостивые государи, позвольте, посредством вашего журнала еще раз поблагодаря г-на Ф. Б., равно в лице чтителя истинных талантов, читателя и избавленного,— объявить всем кандидатам моей кунсткамеры, которые столь усердно в нее напрашиваются, особенно господину водянистому Писателю Галерной гавани, что критика на Жуковского балладу поступила уже на ваканцию чудищ, а в какой отдел, сказано выше.

Ваш и проч.
А. Марлинский

5 марта 1821

ВЗГЛЯД НА СТАРУЮ И НОВУЮ СЛОВЕСНОСТЬ В РОССИИ

Гений красноречия и поэзии, гражданин всех стран, ровесник всех возрастов народов, не был чужд и предкам нашим. Чувства и страсти свойственны каждому; но страсть к славе в народе воинственном необходимо требует одушевляющих песней, и славяне, на берегах Дуная, Днепра и Волхова, оглашали дебри гимнами победными. До XII века, однако же, мы не находим письменных памятников русской поэзии: все прочее сокрывается в тумане преданий и гаданий. Бытописания нашего языка еще невнятнее народных: вероятно, что варяго-россы (норманны, пришлецы скандинавские) слили воедино с родом славянским язык и племена свои, и от сего-то смешения произошел язык собственно русский; но когда и каким образом отделился он от своего родоначальника, никто определить не может. С Библиею (в X веке), написанною на болгаро-сербском наречии, славянизм наследовал от греков красоты, прихоти, обороты, словосложность и словосочинение эллинские. Переводчики священных книг и последующие летописцы, люди духовного звания, желая возвыситься слогом, писали или думали писать языком церковным — и от того испестрили славянский отечественными и местны-

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЯМ

Впервые — «Сын отечества», 1821, № 13, ч. 68, с. 263—265. Написано в ответ на статью О. М. Сомова «Письмо к г-ну Марлинскому» (см. наст. изд., с. 223—227).

[1] Адресовано издателям «Сына отечества» Н. И. Гречу и А. Ф. Воейкову.

[2] Псевдонимы О. М. Сомова.

[3] Бестужев упоминает эпизод из поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд».

[4] Речь идет о статье Ф. В. Булгарина «Ответ на письмо к г-ну Марлинскому, писанное Жителем Галерной гавани» («Сын отечества», 1821, № 9, ч. 68, с. 61—73).